

of the arts, in contrast to their «depictiveness», the enhancement characteristic of the catastrophic 20-th century, that was perceived by Apollinaire, Picasso, the Fauvists, Cubists, German Expressionists, Reverdy, De Chirico, Kandinsky.

The aim of the artists, for surrealists, was not deformation in the realm of art but its complete disintegration. For that it was necessary to move exclusively from within, to reproduce only the inner which had not been operated on by consciousness: dreams, nightmares, reveries, unexpected associations — in the hope that the «hasard objectif» (the term, formed under the influence of Hegel and Engels), precisely in this way, beyond the control of reason, would discover, demonstrate and embody the future, and thus would realize what, according to surrealists, Fourier, Marx, Lenin, Freud dreamed about. The signs used for demonstration of the unconscious and the play of the «hasard objectif» in a surrealist text (whether poetic, pictorial or sculptural) should by no means be a portrayal of something outward but rather the signs of inner.

One may feel sorry for or rejoice at such a radical change but it was a change that opened new potentials of the poetic expression of the unexplored for Eluard, the young Aragon, René Char, Breton (during all his periods), for such painters as Ernst, Magritte, Masson, and many others. Surrealists did not like to speak about music, for their discoveries could be interpreted, to a certain extent, as a transferring of principles of music, the instrumental, in particular, onto all the other arts. But, for the other arts, this was a complete break, disruption («écart absolu») with the part.

On order to explain what Surrealism and what «écart» are, Breton told a parable about Columbus, led by the «hasard objectif». To discover the East, Columbus sailed to the West, he turned over the existing system of coordinates, oriented towards the Northern pole, and contrary to great Portuguese seafarers, took the course to the right in relation to the Southern pole. Columbus was going to discover the way to India, while «hasard objectif» led him to discovery of all the New World! Deformation alone, without the «écart absolu» would not have sufficed...

All this is illustrated in the article, primarily by Breton's poetry, prose writings and essays belonging to the latter part of his life.

Пусть наука все еще не может справиться с вопросом, что же существенно непреходящего (или непрешедшего) внес сюрреализм в современную жизнь, особенно на Западе, — уже в том, что такой вопрос «стучится в дверь», содержится залог и зерно ответа.

Влияние сюрреализма неизжито, хотя прошло 70 лет с тех пор, как он громко заявил о себе. А тем временем наступила пора дистанцироваться от давних политических споров: у нас был перейден порог неосведомленности — из-за спецхрановских ограничений, а в свете знакомства с поздними выступлениями и стихами Бретона совсем иным предстал его нравственный облик — нелегкого, но прямого и мужественного человека, не желавшего покориться превратностям судьбы.

Встретив Первую мировую войну в 18 лет, он осознал, что его сверстникам предстоит судьба «потерянного поколения». Груз ответственности давил на него. Отсюда его несговорчивость с единомышленниками и неудачи в поисках всепоглощающей любви (женщины оставляли его). Бретону не везло и как инициатору сюрреализма. Он его «строил» и сам его разрушал, болезненно реагируя на разные несогласия шумными разборками и отлучениями. Из-за этого, несмотря на художественную близость, не становились в ряды сюрреалистов Пьер Реверди, Рене Шар, Пикассо, Пикабия, Де Кирико. Если для разрыва с Арагоном в 30-е годы у Бретона были веские основания, то несуразно было по мелочному поводу себе на горе оттолкнуть лучшего друга молодости Поля Элюара, талантливейшего поэта сюрреализма, человека нравственно чистого, однако весьма нуждавшегося по своей детскости в любви и дружеской помощи, а не в игуменском окрике.

Бретон, как и многие другие молодые французские бунтари 20-х годов, хотел во что бы то ни стало сразу отказаться от всего старого и включиться в осуществление социальной революции и в создание по-новому свободного человека, полагая, что одно в принципе невозможно без другого. В сюрреализме Бретон видел нечто намного более универсальное, чем новаторское художественное течение. Видел особый авангард, который обгонит не существующее художест-